

Алмаз Грибоедова

Сергей Бунтман

«...Тогда величественный дядя спустился со ступенек. Он взял за тонкую желтоватую руку Хозрева-Мирзу и произнёс: "Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие"».

Юрий Тынянов написал «Смерть Вазир-Мухтара» через сто лет после разгрома

русской миссии в Тегеране, гибели Грибоедова и примирительного визита Хозрева-Мирзы в Петербург и за девяносто лет до наших с вами дней. Но вот что значит большой, великолепный писатель! Именно его глазами мы видим и резню в посольстве, и остывающий обезглавленный труп посла, который волокут по пыльным улицам, и тускло светящийся бриллиант, ставший ценой «вечного забвения» императора Николая. Мы сколько угодно можем читать донесение первого секретаря Мальцова — единственного, кто спасся во время погрома дипломатической миссии, или записку князя Сулей-

Алмаз «Шах». Коллекция Алмазного фонда России

мана Меликова — племянника одного из убитых, всё равно, в нашей памяти встанёт прекрасный и страшный тыняновский текст.

Как бы то ни было, 30 января (по юлианскому календарю) 1829 года разъярённая толпа ворвалась в помещение русского посольства и убила всех, кто там был. То ли Фетх Али-шах натравил имамов, а те распалили чернь, то ли духовенство убедило шаха, что с Грибоедовым пора кончать, доподлинно неизвестно. На вопрос «За что?» — тоже нет однозначного ответа.

Грибоедов отправился в Персию добирать контрибуцию, причитавшуюся по Туркманчайскому мирному договору. Но не только. Россия выиграла войну, приобрела новые земли и новых подданных, и Персия не должна была препятствовать возвращению домой, в частности, армян, если они того пожелают. Таковые объявились. Русскому послу, или, как он тогда назывался, министру-резиденту, поступили прошения. Грибоедов затребовал возвращения новых русских армян. Встречается предположение, что он превысил свои полномочия

Хозрев-Мирза. Филипп Берже, 1829 год

в ущерб, потому что Россия уже почти год воевала с Турцией. Ведавший иностранными делами Нессельроде был крайне обеспокоен тегеранской резнёй. Уж он-то знал характер своего начальника и потому сразу принялся обговаривать с Тегераном условия и форму «искренних извинений». Фетх Али-шах, полагая, что его посланника русские как увидят, так и убьют, отправил в Петербург самого негодящего из внуков, второго сына второй жены наследника, того самого Хозрева-Мирзу, обременив его ценными подарками: коврами, древними рукописями, ожерельем для императрицы, саблей для цесаревича, драгоценностями для великих княжон и алмазом Великих Моголов весом более 88 карат.

Хозрева не убили, а приветили, может быть, даже несоразмерно его рангу. Он бывал на обедах и приёмах, ходил в театр, жил в Таврическом дворце, в саду которого, как утверждал Гоголь, встретил сбежавший нос майора Ковалёва и «очень удив-

и не соотносился с обычаями страны, поскольку просителями были шахская жена из гарема и евнух, охранявший то же учреждение. И якобы поведение его было настолько возмутительно, что резня в посольстве — естественная на то реакция.

Ну, скажем, это привычное, к сожалению, обвинение жертвы. Представитель России действовал в рамках договора и имел полное право требовать соблюдения интересов своего государства и его подданных. Персия же, и так разорённая войной, с невероятным трудом откупалась от победителей. Двадцать миллионов рублей контрибуции грозили лишить её экономической самостоятельности. Европа тревожилась. Великобритания (госпожа Захарова, запишите в свой кондуит!) убеждала шаха не сдаваться. Внутри Персии царило чувство унижения. Погромом посольства можно было выпустить пар, но вряд ли шахский двор не осознавал возможных последствий. Император Николай, невольник чести и большой идеалист, вполне мог начать новую войну, даже в ущерб собственной державе.

«Шах». Его обнаружили и обработали ещё в XV веке, он провисел на балдахине Павлинёго трона Великих Моголов, пока их империя не рухнула и в XVIII веке трон с камнем не перекочевал в Персию.

Когда Николай передал камень в сокровищницу Зимнего дворца, его не удосужились как следует описать, и только в 1922 году, когда «Шах» попал в Алмазный фонд, академик Ферсман подверг алмаз научному изучению. Естественные и искусственные грани, гравированные надписи, удивительные штампы — их делали по очень сложной и трудоёмкой технологии, как и знаменитую борозду для нити, — всё это завораживает учёных самых разных специальностей. Но для нас этот камень — алмаз Грибоедова. Навсегда.

Но вот ещё что. Выживший дипломат Иван Мальцов основал стеклянное производство в городе Гусе. Потом стал там делать хрусталь, подобный богемскому. И посмотрите, нет ли у вас в серванте или горке бокала, в гранях которого мимолётный отблеск тегеранской трагедии? ▽

Грибоедов отправился в Персию добирать контрибуцию

лялся этой странной игре природы». Принося дары, он сам не остался без подарков: Персия получила пушки и иные ценные достижения Запада.

По прочтении вслух извинительной грамоты император объявил, что кровавый инцидент навечно забыт. Для современников и потомков символом этого забвения стал тяжёлый алмаз, получивший название

Портрет А. С. Грибоедова. Евсей Моисеенко, 1956 год

